

15th St. Jerome Translation Contest

— 2020 EDITION —

Russian
Second prize

Tatiana-Maria Komerzan

Золотые годы Тины Тёрнер

На протяжении пятидесяти лет она была настоящим символом живучести рок-н-ролла. «Гордая Мэри» в ее исполнении на 175 процентов длиннее оригинала – не говоря уже о том, что Джон Фогерти на сцене не танцевал! После двадцати певица стала звездой вместе с Айком Тёрнером, после тридцати – сбежала от него, устав терпеть насилие, после сорока – пробилась на самый верх хит-парадов, с шестидесяти до семидесяти – объездила с гастроями весь мир, ну а сейчас – сейчас ей хочется вволю спать по утрам.

Поэтому я приехала в два часа дня. Обаятельный муж Тины – немец Эрвин Бах – встретил меня на своем джипе и довез до дома, который называется – ну сами подумайте, разве мог дом Тины Тёрнер остаться безмянным? – «Алгонкинский замок». Здесь царит атмосфера диснеевского дворца: стены увивает плющ, садовники тщательно подстригают кусты, со сводчатого потолка свисает скульптура двуногой лошади в полный рост, в рамке красуется изображение Тины в образе египетской царицы, комната заставлена золочеными диванами в стиле Людовика XIV – и на одном из них раскинулась сама Тина Тёрнер.

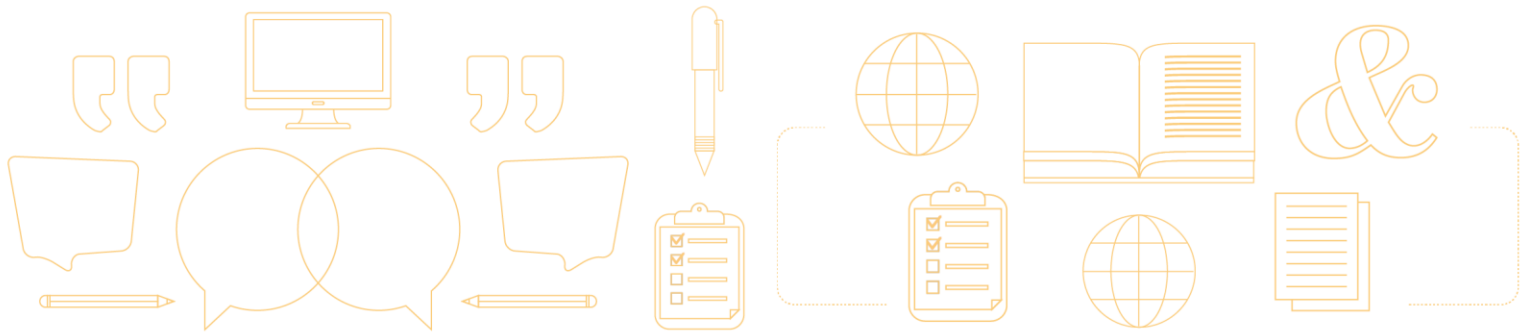
Тине Тёрнер семьдесят девять лет. Она закончила выступления десять лет назад и все еще от души наслаждается полной праздностью. «Я не пою, не танцую, не одеваюсь на выход», – говорит мне она. Даже ее парик – «неотъемлемая часть образа Тины Тёрнер», как сама Тина написала в своих недавно опубликованных мемуарах, – уже не вздыбливается вверх под прямым углом, как раньше, а приобрел более непринужденный вид, преобразившись в стильную многослойную прическу. Голос Тины ничуть не утратил былой притягательности, хотя теперь этот инструмент служит для других целей. Вот она зовет мужа – и в ее выговоре слышно континентальное богатство интонаций, а вот она его дразнит – низкой, вибрирующей хрипотцой, которую она сама назвала «неженским голосом».

Тина не скучает по выступлениям.

[...]

Однако порой бывает и по-другому. Она сидит в машине. Вот из радио полились звуки, муж начинает негромко и ненавязчиво подпевать – и тут сама Тина приступает к «обработке» песни в своем фирменном стиле: подпрыгивая на сиденье и урча – причем все это для одного-единственного зрителя и слушателя. Есть одна песня, перед которой она просто не может устоять. «Слушай, как там его зовут? – кричит она мужу, который возится с чем-то в соседней

комнате. – Солнышко, ты меня слышишь? Так как же его зовут?». Она не выдерживает и напекает: «Вот таааакого я хочу»¹.

Эрвин отзывается из соседней комнаты: «Это “Колдплей” поют!»

– «Колдплей, – повторяет Тина. – Знаешь, что мне нравится?» – Она начинает восторгаться голосом Криса Мартина, обладающим непостижимым очарованием. – «Его голос совсем не похож на гладко отшлифованный вокал чернокожих исполнителей в традициях “мотаунского звука”».

– Вообще-то, эту песню «Колдплей» поют вместе с «Чейнсмокерс», – снова откликается из соседней комнаты Бах.

- Ну и что с того! - кричит в ответ Тина: кажется, что она призвала на помощь всю мощь своих легких, чтобы стереть с лица земли всякое упоминание о каких-то там «Чейнсмокерс». Она бросает на меня лукавый взгляд. И следом – реплику: «Это все равно «Колдплей!»

[...]

Тина с мужем переехали в Швейцарию в 1995 году. Как человеку, в жизни которого раньше всегда царил хаос, Тине импонирует швейцарская страсть к порядку. Здесь все устроено по правилам. Она не говорит по-немецки и считает, что оно, собственно, даже к лучшему: ведь это значит, что никто не ждет от нее оживленной беседы. Если в разговоре звучит что-то смешное, достаточно обратиться к мужу – он объяснит, в чем соль шутки.

Ее типичный день выглядит так. Тина встает. Ее дворецкий Дидье – гигант-швейцарец в яркой футболке поло, застегнутой на все пуговицы аж до самого подбородка своего застенчивого лица – готовит Тине овсянку. Дальше – поход по магазинам.

Красивых вещей в «Алгонкинском замке» в избытке: связка ключей с головками в виде замков (хозяйка комментирует это так: «Я очень хотела настоящий замок – но ровно до тех пор, пока не увидела, что это за громадины!»); куски огромного расколотого аметиста, выставленные около бассейна, расположенного тут же – на территории дома («Мне этот камень подарили», – поясняет Тина); рамки с фотографиями, на которых запечатлены саркофаги египетских фараонов (Тина интуитивно чувствует, что в прошлой жизни сама она тоже была фараоном. Кстати, Дидье и тогда был рядом); размахивающий мечом божок доколумбовой эпохи, которого она купила перед тем, как навсегда уехать из Америки («Тогда он мне нравился», – говорит хозяйка). Ни одна вещь не пылится в кладовой: раз уж теперь средства позволяют, Тина, по ее собственному признанию, хочет «чтобы все было перед глазами».

Источник: <https://www.nytimes.com/2019/09/09/theater/tina-turner-musical.html>.

¹ В оригинале – I want something just like this. При передаче на русский язык был сделан выбор в пользу эквиритмического перевода.